

Бранка Тафра

Хорватско-славянские лексикографические контакты

Введение

Лексикографические контакты двух языков нельзя рассматривать только через продукцию словарей, поскольку они имеют гораздо большее значение, отражая взаимоотношения двух культур в историческом плане. Хорватско-славянские лексикографические контакты можно рассматривать по меньшей мере на пяти уровнях:

- а) славянские заимствования и переводные заимствования в хорватских словарях,
- б) славянские словари как образец и модель для хорватских лексикографов,
- в) славянские языки в хорватской лексикографии,
- г) хорватский язык в славянской лексикографии,
- д) лингвистическая литература о хорватско-славянских лексикографических контактах.

С учетом широты затронутой темы мы ограничимся в данной работе лишь первым и третьим пунктом, а остальных коснемся только попутно. Работа отнюдь не претендует на исчерпанность, которой и невозможно добиться в рамках одной статьи, ибо каждому языку и каж-

дому лексикографу следовало бы посвятить отдельное исследование. В обоих случаях мы двинемся хронологическим путем, приводя наиболее яркие примеры славянско-хорватских лексикографических контактов. Некоторые аспекты влияния на настоящий момент уже тщательно исследованы хорватской лингвистикой, например, богемизмы / словакизмы в словарях Богослава Шулека, в то время как другие еще только ждут своих исследователей.

Славянские заимствования в хорватских словарях

Традиция хорватской лексикографии, если учесть словари в нынешнем значении этого слова, насчитывает более 400 лет (Фауст Вранчич – Faust Vrančić, *Dictionarium quinque nobilissimarum Europae linguarum. Latinae, Italicae, Germanicae, Dalmatiae & Ungaricae, Venetia* 1595), или же свыше 550 лет с учетом небольших рукописных лексикографических работ (Никколо Рокабонелла – Niccolò Rocca-bonella, *Liber de simplicibus*, Zadar 1449). Уже с самого начала она шла в одном русле с европейскими тенденциями развития лексикографии, от многоязычных словарей, составлявшихся в европейских странах на основе латинского словаря Амброзиуса Калепинуса (Ambrosius Calepinus, *Dictionarium Latinum*, 1502), концептуальных словарей XVIII века, вплоть до большого 23-томного *Словаря* Академии наук, составленного по образцу словаря *Deutsches Wörterbuch* братьев Гримм и подобных ему академических словарей того времени.

Первый лексикографический контакт хорватского и одного из славянских языков произошел, по всей видимости, в *Радоновой Библии* (латинская рукопись VIII–IX века). Хорватские и чешские глоссы в этой рукописи датируются XI–XII веками, причем по предположениям они были написаны в Загребе во время епископа Духа – чеха по происхождению, который, по-видимому, был „глаголяшем” (Katičić 1994, 114–115). Глоссы, включая также славянские, имеются и в хорватских средневековых кодексах, а первый самостоятельный двуязычный словарь с хорватским и одним из славянских языков датируется XVI столетием. Дело в том, что в 1584 году Юрай Далматин (Juraj Dalmatin) дополнил уже существующий перевод *Библии Регистром* с 756 заглавными словами, переведенными на два словенских (краньский и каринтийский) и три хорватских диалекта (кайкавский, чакавский и штокавский). До XIX века, по мнению Юранчича (Juranić 1982), между сло-

венским и хорватским в лексикографическом плане не было больше связей. Поскольку в рукописях оставалось значительное число хорватских словарей, это утверждение нельзя полностью принять на веру, так как между хорватскими и словенскими писателями и до XIX века существовало множество связей на уровне личных контактов. К примеру, Павао Витезович (Pavao Vitezović) оставил неопубликованный *Lexicon latino-illyricum*, а, кроме того, пребывая в замке словенского ученого XVII века Ивана Вайкарда Валвазора (Ivan Vajkard Valvazor), он самым тесным образом с ним сотрудничал. Поскольку литературно-языковая концепция Витезовича отличалась гибридностью, не исключено, что в его словаре есть и словенские слова.

Из всех славянских языков чешский оставил в хорватском языке наиболее глубокий след, причем по многим причинам. Еще в период гуманизма чешский язык был в значительной мере стандартизован, гораздо раньше других славянских языков, что дало ему возможность оказывать влияние не только на хорватский, но и на другие славянские языки¹. Прочные культурные связи существовали еще в XIV веке, когда по приглашению Карла IV в Прагу прибывают хорватские монахи-бенедиктинцы „глаголяши”, которые в течение семидесяти лет остаются в монастыре Эмаус „na Slovánech”. Их деятельность, с одной стороны, оставит след в чешской лексикографии конца XIV века, а с другой – влияние чешской лексики и синтаксиса проявится в хорватских переводах средневековых текстов, сохранившихся в списках XV века (Hercigonja 1994). Чехи и хорваты длительное время жили в едином государстве – Габсбургской монархии, а хорваты нередко получали образование именно в Чехии, что объясняет наличие в хорватском языке значительного числа божемизмов. Тщательным изучением чешских языковых элементов в хорватском² литературном языке занимался Йонке (Jonke 1954, 1965, 1971). Его исследования показали, что первое значительное влияние чешского на хорватский литературный язык было отмечено еще в XVI веке в произведении *Suma nauka kristijanskoga* (Рим

¹ Литература об этом см. Sesar 1996.

² Хотя в названии труда присутствует слово хорватско-сербский, сам Йонке утверждает, что речь главным образом идет о чешско-хорватских отношениях, так как народный язык стал у хорватов литературным в XV веке, а у сербов лишь в XIX веке, а также поскольку в XIX веке влияние чешского на язык сербской литературы было незначительным.

1583) Шимо Будинича (Šime Budinić). В соответствии с протореформационной программой создания единого славянского литературного языка на Балканах Будинич пишет свое произведение на хорватском языке, точнее говоря, на чакавском, с примесью церковнославянского, чешского и польского языков. Таким образом, в его произведении имеются чешские, в несколько меньшей мере – польские слова, функция которых заключалась отнюдь не в заполнении лексических пробелов хорватского языка: они приводились в качестве синонимов хорватских слов, например: „Mili pane, Gospodi Bože moj, Ovako je rekao i *mluvio* jest”.

Чех Матоуш Бенешовски Филономус (Matouš Benešovský Filonomus) в своем этимологическом труде *Knížka slov českých vyložených* (1587), являющимся по сути сравнительным славянским словарем, приводит также хорватские слова (например: *vruće po hrvatsku – horko*). В первом словенском словаре *Dictionarium quattuor linguarum* (1592) немца Иеронима Мегисера (Jeronim Megiser) имеется небольшой хорватский лексический материал с указанием *croaticae*, например, *ancker = ankora*, ср. *sidro*. В его обширном лексикографическом труде *Thesarus polyglotus* нашли свое место хорватские слова рядом с остальными славянскими, а также иными языками, обработанными Мегисером под 445 названиями (Putanec 1992). Подобный лексикографический материал предлагает интересные сведения об истории лексикографии, о попытках классификации языков и диалектов (Мегисер упоминает, к примеру, диалект о. Раба, задарский, истрийский...), о сравнении лексики различных языков – в данном случае славянских.

Поскольку хорватские словари старшего периода составлялись на основе лексики литературных произведений, а не народных диалектов, то большинство славянских заимствований зафиксировано именно в них, и, таким образом, их путь прослеживается через историю хорватской лексикографии. Первый подлинный контакт хорватского и одного из славянских языков отмечен в произведении чеха Петра Лодерекера (Petar Lodereker) *Dictionarium septem diversarum linguarum* (1605). Речь идет по сути о втором, дополненном польским и чешским языком, издании хорватского пятиязычного словаря Фауста Вранчича (Faust Vrančić) *Dictionarium quinque nobilissimarum Europae linguarum* (1595), первого хорватского словаря в современном значении этого слова.

После Вранчича вплоть до XIX века издавались многие хорватские двуязычные и многоязычные словари, в которых одним из языков чаще всего был латинский, хотя появлялись и итальянский и не-

мецкий. Ни в одном из них в качестве самостоятельного языка не представлен какой-либо из славянских языков. Однако, поскольку хорватская историческая лексикография отмечена ярко выраженным языковым пуризмом и синонимией (Tafra 1997–1998), в них встречаются славянские заимствования, которые или заполняли лексические пробелы, или же приводились в качестве синонимов – таким же образом в подобных словарях появлялись в качестве синонимов подряд слова из всех трех хорватских диалектов, например, *ča, kaj, što, čto; tovar, oslac, magarac; sirće, ocat, kvasina*. Благодаря родству славянские слова легко заимствовались и приспособлялись к хорватскому языку. Поэтому не удивляет, что некоторые славянские заимствования можно найти только в словарях, так как лексикографы переписывали их друг у друга. Яков Микаля (Jakov Mikalja), автор первого хорватского словаря, в котором хорватский язык является исходным (*Blago jezika slovinskoga*, 1651) при составлении своего словаря по-видимому пользовался каким-то чешским словарем, так как в нем есть такие слова, как *midlo* ‘мыло’ (от чешск. *mýdlo*) и *levhart* ‘пантера’ (от чешск. *levhart*). Последующие лексикографы перенимали у него подобные заимствования, так что такой фонологически неадаптированный богемизм *midlo* (в хорватском было бы *milo*) можно найти в словарях – штокавском *Dizionario italiano, latino, ilirico* (1728) Арделио Делла Белле (Ardelio Della Bella), кайкавском *Gazophilacium seu latino-illyricorum onomatium aerarium* (1740) Ивана Белостенца (Ivan Belostenec), а также в словарях XIX века.

Отношение хорватских лексикографов к славянским заимствованиям очень хорошо определил Антун Матия Релькович (Antun Matija Reljković) в своем учебном пособии по языку *Nova slavonska i nimacska gramatika* (Загреб 1767), в котором помимо грамматики представлен и тематический хорватско-немецкий словарь. Поскольку Релькович был скорее по ориентации нежели на практике языковым пуристом, то в стремлении избавиться от турцизмов, оставшихся после 150-летнего турецкого господства в его родной Славонии, он разрабатывает метод, позволяющий определить, является ли какое-либо слово в его словаре „исконным славонским”. Пользуясь славянскими словарями, он пришел к выводу о том, что слово является славянским, если присутствует в большинстве славянских словарей. Этот этимологический метод верен лишь отчасти, так как общеславянские слова по происхождению могут быть не только праславянскими, но и иностранными (Putanec 1991, 172).

Хорватские лексикографы в своем пуристском стремлении к созданию хорватской лексики были склонны к калькированию и словообра-

зованию, а также к заимствованию слов из совокупного лексического фонда хорватского языка (отсюда наличие в кайкавских словарях штокавских и чакавских слов или в штокавских – чакавских и кайкавских), затем из славянских языков, и только после этого из греко-латинского культурного наследия. Славянским словам на протяжении всего истекшего периода всегда отдавалось предпочтение по сравнению с другими заимствованиями, особенно у тех авторов, которые славянские языки считали диалектами одного языка. Поэтому не удивляет, что в кайкавских словарях XVIII века присутствуют слова из других славянских языков, но на этот раз в функции заполнения лексических пробелов. Рукописный латинско-хорватско-немецкий *Dictionar* Адама Патачича (Adam Patačić), лексикографический труд, по своей концептуальной структуре в сущности являющийся тезаурусом, содержит многочисленные богемизмы, особенно фитонимы – например: *serdečnik*, *hrustika*, *klaštarska hvojka*, *merunka* и т.д. (Jonke 1965, 155).

Концу XVIII века принадлежит сравнительный словарь, составленный по приказу русской царицы Екатерины II (*Vocabularium Catarine*), в котором наряду со словами из многих языков есть и хорватские слова.

Большое число русских слов, включая и неадаптированные, несколько меньшее число чешских и польских слов находится в шеститомном трехязычном словаре (*Lexicon latino-italico-illyricum*, 1801, *Rjecosloxyje ilirisko-italiansko-latinsko*, 1806, *Vocabolario italiano-illirico-latino*, 1810) Иоакима Стулли (Joakim Stulli), поскольку при работе над собственным словарем он пользовался другими славянскими словарями. Русские слова он снабжал сокращенной пометой *lex. r.*, обозначающей, что слова взяты непосредственно из русских словарей. Словарь Стулли предназначался для южных славян, пользующихся латинским письмом, а также для других славян – чехов, поляков и русских, и чтобы „всех сблизить, он в изобилии приводит выдержки из глаголического миссала и breviария” („a da bi sve zbližio, obilno navodi glagoljski misal i brevijar”; Brlek 1987: 102).

Наиболее интенсивное проникновение славянских слов, особенно богемизмов, происходит в XIX веке, в период хорватского национального возрождения, поскольку в то время большое распространение получают идеи всеславянского единства и представления о том, что существует единый славянский язык с четырьмя наречиями (ср. учение Яна Коллара – Jan Kollár). В Хорватии резко возросла потребность в новых лексических единицах вследствие развития новых наук и превращения

хорватского языка в средство официального общения (до 1847 года официальным языком Хорватского парламента был латинский), а также принятия на себя тех функций, которые до того времени в различных областях Хорватии выполняли латинский, немецкий и итальянский языки. За короткий срок требовалось создать огромное количество новых слов. В реализации этого процесса основным отправным пунктом стали прежде всего отечественные, а затем славянские источники. В эпоху национального возрождения весьма оживленными были культурные связи с чехами, словаками и словенцами, так что наибольшее число слов проникло именно из этих языков. Значительна также доля русизмов, хотя в их случае порой трудно установить, каким образом они проникали – непосредственно или через язык-посредник. О том, что проникновение славянских слов в хорватский литературный язык в XIX веке было интенсивным, свидетельствует появление в конце века обширной работы Томо Маретича (Tomo Maretić) *Ruske i češke riječi u hrvatskom jeziku* (1892). Маретич для каждого слова искал подтверждение в словарях, посредством которых доказывал, что язык их освоил. Как советник по языку Маретич никоим образом не рекомендует употреблять чешские и русские слова, если в хорватском уже существуют свои приемлемые хорватские слова. Так, например, излишни русизмы *dozvoliti, izlišan, izviniti, ogroman, opširan, pobornik, pokrovitelj, posjetiti*, если в хорватском уже имеются слова *dopustiti, zališan, oprostiti, golem, prostran, zatočnik, zaštitnik, pohoditi*, не нужны и богемизмы *dostatan, opetovati, pronevjeriti, veleban* при наличии отечественных *dovoljan, ponavljati, potkrasti, veličanstven* (Maretić 1892, 70). Несмотря на рекомендации этого лингвиста, часть указанных русизмов и богемизмов сохранилась до настоящего времени именно благодаря словарям XIX века.

Небольшое число славянских заимствований находится и в малом словаре под названием *Sbirka někojih řečih, koje su ili u gornjoj ili u donjoj Ilirii romanje poznane*, опубликованном в годичном приложении к журналу по культуре „Danicza” 1835. Здесь имеются нормативные определения, например, *sojuz* лучше *svez*. За 15 лет существования журнала „Danica” в нем впервые появляются многочисленные славянские заимствования, адаптированные согласно нормам хорватского литературного языка. Эти слова из журнала „Danica” были перенесены в словари и сохранились до настоящего времени, например, *dopis, dokaz, časopis, listovnica, pozoran* и т.д. Поскольку речь идет о небольшом промежутке времени, то сложно установить, из какого источника было слово взято и когда точно то или иное слово проникло в язык. Оно могло проник-

нуть непосредственно из языка-источника или же опосредованно через словенский – так, к примеру, Брезник (Breznik 1931) утверждает, что Мажуранич (Mažuranić) и Ужаревич (Užarević)³ взяли большое число слов из словаря Мурко (Murko)⁴, которые в свою очередь в словенский попали из чешского и русского. В словаре Мажуранича–Ужаревича есть и значительное число славянских заимствований (Dukat 1937), причем некоторые из них встречаются впервые, а некоторые взяты из словарей и других текстов того времени, например, *bitan*, *bitnost*, *časopis*⁵, *dosljedan*, *lučba*, *narječje*, *obzor*, *podneblje*, *pokus*, *stupanj*, *ustav*, *zavod* и т.д. В этом словаре есть множество слов, образованных по образцу немецкого языка, по-видимому, при посредничестве чешского языка. Это, к примеру, все слова на *-mjer* (ср. об этом Rammelmeyer 1975): *dahomjer*, *glasomjer*, *gustomjer*, *svjetlomjer*, *toplomjer*, *vodomjer*..., созданные на основе чешской модели образования сложных слов на *-měř* (тип *vodoměř*⁶), соответственно немецкой модели на *-messer* (тип *Wassermesser*). Кроме того в нем есть также большое число русизмов, которые могли проникнуть прямо или через язык-посредник, например *basna*, *čaj*, *činovnik*, *dozvoliti*, *izvješće*, *izvoliti*, *nacrt*, *oblast*, *obrazovati*, *obzor*, *pokus*, *prisutnost*, *poslovica*, *predmet*, *revnost*, *rukovodstvo*, *suglasje*, *svoјstvo*, *točka*, *uspјeh*, *važan*, *ukus*, *uvažavati*, *zanimati*... Если ранее лексикографы заимствовали некоторые славянские слова и без адаптации, то Мажуранич и Ужаревич слова адаптируют (Dukat 1937).

Австро-Венгерская монархия была многонациональным государством, и этот факт императорская власть никогда не упускала из виду. Об этом свидетельствует словарь *Juridisch-politische Terminologie für die slavischen Sprachen Oesterreichs (Deutsch-kroatische, serbische und slovenische Separat-Ausgabe)*, вышедший в Вене в 1853 году. Наряду с немецким, как исходным языком, представлены также три славянских языка – словенский, хорватский и сербский. Два примера из этого сочинения в достаточной мере говорят сами за себя:

³ Литература об этом см. Sesar 1996.

⁴ M. Murko, *Slovensko-nemški in nemško-slovenski besednik*, Graz 1833.

⁵ Изучение заимствований раскрывает интересные пути, пройденные отдельными словами. Слово *časopis* хорватский язык в период национального возрождения заимствовал из чешского, в чешском оно было образовано от немецкого *Zeitschrift*, а в немецком возникло как калька согласно греческому *chronographico* (Turk 1998, 186).

⁶ Словарь Юнгманна (Jungmann) имеет тот же тип сложных слов: *wětroměř*, *wodoměř* и т.д.

njem. Monarch, *hrv.* jednovladac, *srp.* monarh, *slav.* Monarh
njem. Magistrat, *hrv.* poglavarstvo, *srp.* magistrat, *slav.* magistrat

Проникновение славянских заимствований в XIX веке отличается от заимствований предшествующего периода. Ранее отдельные авторы самостоятельно решали, какие заимствования следует поместить в словарь. Обычно такие слова не входили в обиход, оставаясь характерной чертой языка писателя. В XIX веке славянские заимствования, наряду с остальными, зачастую вначале появлялись в публицистике и литературных произведениях, а потом уже их заносили в словари. Такие заимствования имели больше шансов стать общеупотребительными по сравнению с теми заимствованиями, которые лексикограф вносил в словарь по своему выбору. Участники движения иллиризма знали славянские языки, читали на них, много переводили, сотрудничали друг с другом, а, кроме того, и славистика со своей языковой классификацией благоприятствовала языковым заимствованиям.

Когда речь идет о хорватской лексикографии XIX века, то невозможно не упомянуть имя Богослава Шулека, словака, крупнейшего хорватского лексикографа, полиглота, всесторонне образованного лингвиста, который довольно умело адаптировал многие славянские слова, а, кроме того, брал также те, которые в то время уже адаптировались и были в употреблении. Множество славянских заимствований, особенно богемизмов, отмеченных в XIX веке, в настоящее время являются составной частью лексического фонда хорватского языка. Были приняты те слова, которые с точки зрения фонологии и словообразования вписывались в хорватский язык или же адаптировались согласно его закономерностям. Йонке (Jonke 1965, 157) считает, что лексикографическими учебниками, соответственно хорватским литературным языком XIX века было принято около 500 богемизмов, из которых в хорватском языке осталось около сотни, например, *časopis*, *dosljedan*, *dostaviti*, *krajolik*, *naklada*, *naslov*, *nježan*, *obrazac*, *obzor*, *opseg*, *ploha*, *pojам*, *pokus*, *stanovište*, *stroj*, *sustav*, *tlak*, *ustav*, *zavod*, *zbirka*, *zemljovid* и т.д.

Относительно многих славянских заимствований установлено как время, так и путь их проникновения в хорватский язык, хотя остается еще немало открытых вопросов. Часть их, вероятно, останется без ответа. Достаточно в качестве примера взять значительный вклад Богослава Шулека. Шулек (Šulek 1874, IX) объяснил, каким образом он составлял словарь: „Составляя этот словарь, я старался употреблять как можно больше исконных народных слов, а если я считал, что хорват-

ский народ не имеет собственного слова, или не мог узнать о нем, я брал его у родственных славянских племен, если мне казалось, что оно соответствует нашей речи”. Итак, его первым источником был хорватский язык в своей совокупности, диалектной и литературной, а затем славянские языки. Хотя Шулек является величайшим творцом неологизмов, его словообразование занимает лишь третье место в ряду намеченных им принципов. Исследование происхождения его славянских заимствований в словарях *Němačko-hrvatski rječnik* (1860) и *Hrvatsko-njemačko-talijanski rječnik znanstvenoga nazivlja* (1874–1875) чрезвычайно сложно. С одной стороны, в некоторых случаях трудно различить, что у Шулека является богемизмом, а что словакизмом или даже словенизмом. С другой стороны, Шулек делал множество калек, так что порой невозможно установить их происхождение, т.е. определить, калькировал ли он слово согласно языку, послужившему моделью (например, по немецкому языку) или же по языку-посреднику (например по чешскому или словенскому, а также немецкому, в котором слово было калькой); или же он самостоятельно создавал отдельные слова, независимо от других языков, которые по виду походят на кальки. Дело в том, что „если в нескольких языках существуют слова, которые бы по формальным и семантическим критериям могли быть кальками, тогда возникает вопрос, являются ли рассматриваемые факты действительно кальками или же речь идет о полигенезе, т.е. самостоятельном и последовательном развитии сходных явлений в нескольких родственных языках” (Turk 1998, 181). Мария Турк справедливо полагает, что Шулек свои переводные заимствования создавал не только по одному языку, а с учетом нескольких языков. Это явственно проистекает из его объяснения, почему он дал название кислороду – *kisik*. Он сравнил между собой греческий, французский, английский, итальянский, немецкий, чешский, русский и словенский языки и пришел к выводу, что основе греческого слова *oksus* соответствует хорватское *kis*, которое, впрочем, присутствует в основе и в других славянских языках.

В словаре *Rječnik znanstvenoga nazivlja* Шулек обозначал славянские заимствования этимологической пометой, однако рядом со многими заимствованиями, которые в то время уже были общепринятыми, он этой пометы вообще не выставлял. После выхода этого словаря влияние чешского и других славянских языков ослабевает, а под влиянием филологической школы хорватских последователей Вука Караджича в терминологические системы хорватского языка проникают интернационализмы, через сербский язык – русизмы, но тем не менее пре-

имуществом пользуются слова новоштокавских наречий, являющихся основой литературного языка. Процессы конвергенции между хорватским и сербским, которые начали действовать в конце XIX века, а в XX веке усилились, опять-таки повлияли на заимствование богемизмов сербским языком через хорватский, например – *dojam, rojam, okolnost, smjer, uzajamnost* и т.д.

В период национального возрождения помимо проникновения славянских заимствований существовали и другие способы влияния славянских языков на наших лексикографов. Дело в том, что Шулек был гениальным творцом новых слов, поскольку по словообразовательным моделям он самостоятельно создал множество неологизмов. При этом образцом ему служили прежде всего немецкий⁷ и чешский языки, а также словенский благодаря своему развитому языковому пуризму. Многие из его неологизмов никогда не вошли в общее употребление, однако часть их все же сохранилась. Так, из чешского он взял суффикс *-ik*, послуживший ему для образования названий химических элементов, которые он создавал сам по чешскому образцу. Шулек был склонен созданию словообразовательных парадигм, так что в некоторых случаях из отдельной кальки он выводил далее целую парадигму по заимствованной модели. Это создает трудности не только при определении того, по какому языку – источнику или посреднику – он создавал кальку, но и при установлении также того факта, какие слова он калькировал, а какие создавал самостоятельно, что было показано на примере сложных слов с суффиксоидом *-tjer*.

Лексикографическая деятельность Шулека непосредственно опиралась не только на немецкую, но и на чешскую лексикографию. Словарь Павла Йозефа Шафарика (Pavel Josef Šafařík) *Německo-český slovník vědeckého názvosloví* (1853) послужил ему образцом при составлении собственного словаря научной терминологии. Однако, в то время, как Шафарик в своем труде отталкивался от чешского языка и его существующей лексики, неологизмов и заимствований, Шулек прибегал к славянским словам всякий раз, когда не находил соответствующего слова в хорватском. Согласно исследованиям Йонке (Jonke 1971, 163) на первом месте стояли богемизмы, затем русизмы, словенизмы, церковнославянизмы и, наконец, полонизмы. Разумеется, и фундаментальное

⁷ До XIX века образцом для лексикографов служили главным образом латинские словари.

сочинение Йозефа Юнгманна *Slovník česko-německý*, I–V (1834–1839) во многом повлияло не только на Шулека, но и на других хорватских лексикографов⁸ второй половины XIX века, которые заимствовали многочисленные чешские слова или же по образцу чешского переводили и создавали слова, заполняя лексические лакуны, существовавшие в именовании современных им понятий.

Шулек превосходно знал, какие терминологические усилия предпринимались в славянском мире. Ему было известно, что русские при создании научной литературы почувствовали, сколь большую опасность таит в себе заимствование иностранной терминологии, что и привело их к калькированию и созданию своей терминологии. Он пришел к выводу, что если другие народы могут создать собственную терминологию согласно закономерностям своего языка, то это же необходимо предпринять и хорватам. Его словари содержат и русизмы, которые или заимствовались непосредственно, или в основном через чешский как язык-посредник. Большое их число было отмечено еще до него, однако его словари способствовали тому, что слова эти укоренились в хорватском языке, сохранившись до настоящего времени: *čaj*, *čínovník*, *izvješće*, *ličnost*, *nacrt*, *načelo*, *obrazovanost*, *predložiti*, *prisutan*, *razočarati*, *riješiti*, *savjet*, *sredstvo*, *stroj* и т.д. Интересно проследить судьбу этих слов. Так, в хорватском в настоящее время вместо *prisutan* все чаще употребляется *nazočan*, в то время, как *izvješće*⁹ было вытеснено из обихода, однако в 90-е годы вернулось, вытеснив в свою очередь *izvještaj*, который со словообразовательной точки зрения лучше вписывается в хорватский язык, поскольку от него можно образовать прилагательное *izvještajni*. Ошибкой Шулека было то, что он брал и славянские слова, которые по разным причинам никак не могли быть освоены языком, например, русизм *proljevanje*¹⁰ ‘морской пролив’ не смог войти в употребление, поскольку был омонимом хорватского слова *proljevanje* (‘понос’). Не укоренились также такие полонизмы, как, например, *naglavak*, *pokost*, *zaprava*, словенизмы *raba*, *splošan*, *zaganka* и многие другие слова, заимствованные из славянских языков. Часть славянских заимствований, которые приписывают Шулеку, уже была отмечена в журналах, У писателей и в слова-

⁸ Брезник (Breznik 1931) доказал, что Мажуранич и Ужаревич пользовались словарем Юнгманна.

⁹ Подтверждено в словаре Мажуранича-Ужаревича.

¹⁰ Шулек адаптировал русское слово пролив в хорватском своим обычным способом.

рях, существовавших еще до Шулека. Только словарь XIX века мог бы дать полную картину внесения славянских слов в хорватскую лексику, их освоение или отбрасывание, если они остались на уровне гапаксов.

Естественно, что близость словенского языка и жизнь в едином государстве способствовали обогащению хорватского языка словенизмами. Антон Брезник (Breznik 1931) считает, что Шулек по сравнению с другими хорватскими лексикографами больше всех внес словенизмов. Брезник нашел около сотни лексем, которые по его мнению Шулек взял из словенских словарей, или терминологию из общего труда *Juridisch-politische Terminologie für die slavischen Sprachen Oesterreichs*. В период работы над своим словарем Шулек действительно сотрудничал со словенцем Матеем Цигале (Matej Cigale), который свой словарь *Deutsch-slovenisches Wörterbuch* 1860 издал в том же году, когда вышел и словарь Шулека, причем по объему они приблизительно одинаковы. Словенизмы в достаточном количестве имеются и в работе Шулека *Jugoslavenski imenik bilja* (1879), который потому и называется югославским, что его автор стремился к „пополнению и уравниванию языка хорватско-словенского” (введение, IX). Рядом с хорватскими и латинскими терминами очень часто приводятся русские, чешские и польские эквиваленты. В списке источников указывается польский словарь Линде (Linde), чешско-немецкий словарь Юнгманна, а среди многочисленных словенских источников приводятся даже анонимные рукописные словари, а также рукописные перечни фитонимов. Среди 112 источников, указанных в его списке, есть и несколько сербских, кроме словаря Караджича. Рядом с названием растения Шулек указывал источник информации, поскольку в *Справочник растений* он заносил только хорошо проверенные, прежде всего народные названия растений, причем ни одно из них не было им создано самостоятельно.

Шулек является самым заслуженным хорватским лексикографом XIX века. Будучи по национальности словаком, работающим в хорватской среде, он связывал посредством своих словарей не только эти две культуры, но и славянские языки и культуры в целом. Несмотря на идеологию всеславянского единения, несмотря на заимствование многих славянских слов в период национального возрождения XIX века, хорватская лексика достигла такого уровня развития, на котором она могла удовлетворять всем потребностям той эпохи, причем была „устранена боязнь, что хорватский язык, возможно, станет своеобразной смесью славянских, германских и романских элементов” (Hadrovics 1992–1993, 162).

Хорватская лексикография XIX века обязана еще одному иностранцу – выходцу из славянского мира. Деятельность словенца Йосипа Дробнича (Josip Drobnič) протекала в Загребе в кругу деятелей движения национального возрождения. Он опубликовал словарь – *Ilirsko-němačko-talianski mali rěčnik* (1849), в котором этимологической пометой *slov.* (словенский) отмечает главным образом кайкавскую лексику.

Попутно можно упомянуть, что в период движения национального возрождения хорватский язык решил проблему графики, которая, помимо отечественных образцов, следовала чешской графике. Впоследствии эту графику приняли и словенцы, а также сербы, пользующиеся латиницей.

Особые лексикографические взаимоотношения хорватского и славянских языков можно наблюдать в обширном словаре – *Rječnik hrvatskoga i srpskoga jezika* Югославской академии наук и искусств, I–XXIII (1880–1976), в котором дается толкование этимологических параллелей для славянских слов. В этом словаре можно найти многочисленные сведения не только об общих славянских словах, но и о заимствованиях, пришедших в хорватский язык из славянских языков, а также о времени их появления и указаний, у каких авторов их можно найти. Приводившийся здесь пример бегемизма Микали *midlo* взят из этого словаря. Поскольку словарные статьи содержат многочисленные примеры из текстов, демонстрирующие словоупотребление, словарь одновременно является дифференциальным словарем хорватского и сербского языка. Хотя словарь задуман как словарь единого языка, именно примеры показывают, какие из слов являются общими, а какие только хорватскими или сербскими. Читая эти примеры, можно проследить и их историю, и территориальное распределение. Таким образом, этот лексикографический труд представляет собой своеобразный славянский этимологический словарь, а также, говоря условно, двуязычный исторический хорватско-сербский словарь, если прибегнуть к его использованию именно с этой целью. Подобное утверждение звучит парадоксально с учетом того, что по лексикографической типологии словарь принадлежит к толковым (однойязычным) словарям и для многих является решающим доказательством существования у хорватов и сербов общего языка. Внимательный читатель и знаток источников, использовавшихся при создании словаря, сможет убедиться, что есть множество слов, имеющих только в хорватских или же только сербских источниках, что многие из них семантически поляризованы, т.е. одно и то же слово имеет одно значение в хорватском, а другое в сербском языке. По исключи-

тельности и преобладанию хорватских или же сербских примеров можно проследить историческое дивергентное развитие лексики, на основании чего становится понятным, что часть лексики этого словаря принадлежит только хорватскому, а другая часть только сербскому языку. В качестве иллюстрации может послужить несколько слов последнего XXIII тома этого обширного словаря. Хорватскими словами являются: *znalica, znakoslovlje, znamenoslovlje, zrcalo, zrcaliti se, žganci / žganjci, žmul, žmulj*, а сербскими – *znatan, zvaničnik, zvaničnost, žaoka* и т.д.

Славянские языки в двуязычных и многоязычных хорватских словарях

В старший период хорватской лексикографии вследствие исторических обстоятельств, в которых находилась Хорватия, в словарях чаще всего были представлены латинский, итальянский и немецкий языки. Только в XX веке появляется несколько большее число словарей, в которых представлены и отдельные славянские языки; хорватский же появляется или под своим названием или под двойным (сербско-хорватский, хорватский или сербский, сербо-хорватский). Несмотря на название на титульном листе, в этих словарях в зависимости от автора и места издания наряду с общей хорватской и сербской лексикой приводится и лексика, обладающая спецификой по отношению к тому – другому языку. В настоящее время все еще ощущается большая потребность в словарях, в которых хорватский язык был бы представлен в соотношении с каким-либо другим славянским языком.

Восточнославянские языки вошли в хорватскую лексикографию довольно поздно (Финк 2000). Исключением является рукописный словарь *Dizionario italiano-slavo-moscovitico* (1751) уроженца Дубровника Ивана Мария Матияшевича (Ivan Marija Matijašević), а также *Краткий хорватско-русский словарь* (1894) А. Суворова. За последние пятьдесят лет вышло несколько малых хорватско-русских и русско-хорватских словарей, а также два больших словаря – русско-хорватский с грамматикой Радослава Ф. Полянца и Серафимы М. Мадатовой-Полянec (Radoslav F. Poljanec и Serafima M. Madatova-Poljanec) и двухтомный хорватско-русский словарь Матии Даутовича (Matija Dautović). Антица Менац (Antica Menac) и Алла П. Коваль опубликовали *Украинско-хорватский или сербский и хорватско или сербско-украинский словарь* (1979).

Особенно плодотворной является фразеологическая деятельность благодаря проекту *Хорватская фразеология*, которым в течение ряда лет в Хорватской Академии наук и искусств руководит академик Антица Менац. Она является редактором большого двухтомного *Русско-хорватского или сербского фразеологического словаря*, опубликованного в 1979 году. В серии Малые фразеологические словари в сотрудничестве с Р. И. Тростинской она опубликовала *Хорватско-русско-украинский фразеологический словарь* (1985, 1993), с Дубравкой Сесар и Ренатой Кухар (Dubravka Sesar и Renata Kuchar) *Hrvatsko-češko-slovački frazeološki rječnik* (1986), с Недой Пинтариц (Neda Pintarić) – *Hrvatskosrpsko-poljski frazeološki rječnik* (1986), с Юрием Ройсом (Jurij Rojs) – *Hrvatsko-slovenski frazeološki rječnik* (1992). В 2006 г. опубликован *Хорватско-славянский словарь сравнительных фразеологизмов* (*Hrvatsko-slavenski rječnik slavenskih frazema*, Knjigra, Zagreb 2006) под редакцией Жельки Финк Арсовски. Исходным языком в нем является хорватский, а целевыми: словенский, македонский, болгарский, украинский, русский, польский, чешский, словацкий.

Сходства и различия в адаптации англицизмов в русском и хорватском языках наглядно представлены в книге *Engleski element u ruskome i hrvatskom jeziku* (2005) Рудольфа Филиповича (Rudolf Filipović) и Антицы Менац.

Институт лексикографии издает *Osmojezični enciklopedijski rječnik* – до 2005 года вышло 5 томов. Наряду с английским, немецким, французским, итальянским, испанским и латинским в нем также представлены два славянских языка – хорватский и русский. Помимо этого общего словаря хорватская лексикография изобилует многоязычными терминологическими словарями, в которых наряду с другими языками нередко появляется и русский, например *Ilustrirani tehnički rječnik*: хорватско-немецко-английско-французско-итальянско-испанско-русский (1952), Рикард Симеон (Rikard Simeon), *Enciklopedijski rječnik lingvističkih naziva*: хорватско-сербский, латинский, русский, немецкий, английский, французский, итальянский, испанский (I–II, 1969), *Hrvatsko-srpsko-slovensko-makedonsko-englesko-francusko-njemačko-rusko-talijanski rječnik arhivske terminologije Jugoslavije* (1972), *Klimatizacija i rashladna tehnika*: английский, немецкий, французский, русский, хорватский (1984), Милана Балды (Milan Balda) и др. *Automitazacija*: английский, немецкий, французский, русский, хорватский (1984), *Medicinska tehnika*: английский, немецкий, французский, русский, хорватский (1986). Подобные многоязычные словари публиковались и в других славянских странах, на-

пример, словарь под редакцией Алоиса Едлички (Alois Jedlička): *Slovník slovanské lingvističké terminologie* (Прага 1977). Лет двадцать тому назад студенты, специалисты различных отраслей наук и ученые Хорватии пользовались также русской литературой, поэтому понятно, почему в этих словарях имелся и русский язык. В нынешних условиях преобладания английского языка издательства не заинтересованы более в таких словарях, и, таким образом, хорватская лексикография теряет одну из своих важнейших исторических характеристик – многоязычие.

Из западнославянских языков первым получил свой словарь чешский – словарь Степана Радича (Stjepan Radić): *Rječnik češkoga jezika za Hrvate*, а также словарь Ярослава Мерхаута (Jaroslav Merhaut): *Veliki češko-hrvatski rječnik* (1941). Нового словаря пришлось ждать долго. В 1999 году Душанка Профета и Ален Новосад (Dušanka Profeta, Alen Novosad) издали *Češko-hrvatski rječnik*, а в 2002 году вышел словарь Дубравки Сесар *Češko-hrvatski i hrvatsko-češki rječnik*. Так же дела обстояли и со словацкими словарями. *Slovačko-hrvatski rječnik* Йосипа Андрича (Josip Andrić) вышел в 1943 году, а словарь Фердинанда Такача (Ferdinand Takač) *Hrvatsko-slovački rječnik* появился лишь в 2000 году. В 2005 году был опубликован *Slovačko-hrvatski i hrvatsko-slovački priručni rječnik* Марии Курсар (Marija Kursar) и Дубравки Сесар. Значительный вакуум был отмечен и что касается польского языка. После выхода в 1949 году словаря Юлия Бенешича (Julije Benešić) *Hrvatsko-poljski rječnik*, новый *Poljsko-hrvatski rječnik* авторов Милана Могуша (Milan Moguš) и Неды Пинтарич увидел свет лишь в 2002 году.

У нас нет современного хорватско-словенского или словенско-хорватского словаря. Словари Августа Мусича (August Musić) *Rječnik hrvatsko-slovenski* (Zagreb 1887¹, 1925⁴) и Роберта Копринского (Robert Koprinski) *Slovensko-hrvatski slovar* (Ljubljana 1907) вышли давно. Болгарское и македонское словарное „партнерство” с хорватским еще даже не планируется. Несмотря на то, что во второй половине XIX века существовали довольно тесные хорватско-болгарские культурные связи, и в Загребе до начала балканских войн училось около 500 болгар, к сожалению, в тот период не было опубликовано ни одного хорватско-болгарского словаря.

Недостают также словари, которые играли бы дидактическую роль в изучении родственных языков, как, например, словарь Пулапки лексыкальне. *Słownik aproksymatów polsko-chorwackich* Эмиля Токажа (Emil Tokarz) (Катовице 1998). *Razlikovni rječnik srpskog i hrvatskog jezika* (Загреб 1991) Владимира Бродняка (Vladimir Brodnjak) из-за методологи-

ческих упущений не внес вклада в понимание лексических отношений хорватского и сербского языков. Несколько в стороне остались и небольшие терминологические двуязычные словари национальных меньшинств. Так, для нужд образования представителей чешского меньшинства было опубликовано несколько терминологических словарей. С началом бурного развития всех наук стала развиваться и терминология, что диктует необходимость упорядочения лексикографических общих и терминологических пособий.

О своеобразном крупном лексикографическом контакте всех славянских языков можно говорить относительно словаря Петра Скока (Petar Skok) *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* (I–IV, Загреб 1971–1974).

Степень доступности библиографических данных о словарях в настоящее время достаточно велика, поскольку они имеются в сети интернета, а, кроме того, существуют опубликованные лексикографические библиографии. Для хорватской лексикографии наиболее полную библиографию составил Путанец (Putanec 1992). Довольно обширные библиографии составили также Франолич (Franolić 1985) и Шипка (Šipka 2000). Все эти библиографии довольно быстро устаревают, так как новые словари публикуются ежедневно. Здесь мы лишь вскользь упомянули несколько иностранных славянских словарей, в которых представлен и хорватский язык. Это отдельная тема исследования, но все же необходимо подчеркнуть, что, хотя таких словарей немного, тем не менее их выход можно отслеживать на протяжении всей истории – как в предыдущие эпохи, например, Антон Майер (Anton Mayer): *Slovníček česko-chorvátský* (Прага 1912), так и в настоящее время – к примеру, с 90-ых годов в Чехии вышло целых пять и хорватско-чешских и чешско-хорватских словарей, а в Москве вышли *Хорватско-русский словарь* (¹1999, ²2001, ³2003) и *Новый хорватско-русский словарь* (2007) Артура Р. Багдасарова. Все это открывает новые страницы в истории лексикографических отношений между хорватским и другими славянскими языками.

Заключение

С окончанием XIX века завершился и период, в котором хорватские лексикографы черпали вдохновение в родственных славянских языках. В XX веке, начиная с модерна, в язык все больше проникают интерна-

ционализмы, а в последние десятилетия на первое место вышли англицизмы. Параллельно с концом пополнения лексического вакуума славянскими заимствованиями начинают выходить двуязычные словари, в которых славянский язык выступает либо исходным, либо целевым языком перевода. Причиной этому является то, что славянские языки изучаются в хорватских вузах, на них учатся говорить, а грамматики и словари являются основными пособиями в учебном процессе. Кроме того необходимость составления словарей диктуют потребности делового мира, увеличение числа туристов. Для туристов вновь выпускаются разговорники. Хорватию посещает все больше туристов из славянских стран, так что для них и в Хорватии, и в их странах выпускают подобные разговорники. Таким образом, эти языки более или менее успешно противостоят установлению полного господства английского.

В настоящее время – чаще в средствах массовой коммуникации и в меньшей степени в словарях – встречаются отдельные славянские заимствования, являющиеся некоторое время ключевыми словами (наподобие ключевых слов в научных работах), будучи маркированными и заключая в себе определенную информацию, которая постоянно кружит наподобие популярной песни, выбиваясь на первые места. С течением времени одно такое слово сменяет другое. Причиной тому – внеязыковые факторы. Например, русское слово *гласность* в период 1989–1990 гг. (Русский язык 1997, 75) было без сомнения главенствующим среди ключевых слов не только в пределах советских границ – оно стояло на первом месте во всех политических дискуссиях, которые велись в мире. С уходом Горбачева ушло в прошлое и слово. Хорватские газеты того времени были полны *гласностью*, сейчас же мало кто вспомнит об этом слове. В период усилившегося языкового пуризма 90-х годов в язык вошло несколько большее число словенских слов, а иногда слова образовывали по образцу словенского, например, *uspješnica* ‘хит’, слов. *uspešnica*; *dlanovnik*, слов. *dlančnik* (англ. *palmtop*). Хотя в последнем примере можно говорить о параллельном калькировании, тем не менее бесспорно, что существование словенской кальки указало путь к созданию хорватского термина. Когда начался процесс перевода юридической документации Евросоюза, то хорватские переводчики хотели сохранить один из основных терминов – *acquis communautaire*, обосновывая это тем, что этот французский термин принят в правовом языке большинством стран-членов Евросоюза, причем английский язык служил достаточной опорой для того, чтобы ничего не менять. Именно *pravni red* в словенском языке послужил сильным аргументом для

лингвистов, работавших совместно с юристами, для доказательства того, что подобный термин можно создать и в родном языке. Таким образом в хорватском и появился термин *pravna stečevina* Евросоюза.

В объединенной Европе славянские языки еще больше сблизятся, так что лексикографы должны будут следить за новыми потребностями коммуникации, а также за техническими возможностями, которые облегчают сбор и обработку лексического материала, обеспечивая большую доступность словарей в электронном виде. Таким образом, перспектива укрепления хорватско-славянских лексикографических связей, а тем самым достижения взаимопонимания и сближения различных культур сохраняется и далее.

Литература:

- Breznik A., 1931, *Vpliv slovenskih slovarjev na srbskohrvatske*, „Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino” VIII, 16-67.
- Brlak M., 1987, *Leksikograf Joakim Stulli*, Zagreb.
- Финк Ж., 2000, *Восточнославянские языки в хорватской лексикографии*, „Вестник Международного славянского университета”, серия „Филология”, Харьков, т. III, 1, 31-34.
- Franolić B., 1985, *A Bibliography of Croatian Dictionaries*, Paris.
- Dukat V., 1937, *Rječnik Mažuranića i Užarevića*, „Rad JAZU” 257, 83-132.
- Jonke Lj., 1954, *Šulekova briga o hrvatskoj naučnoj terminologiji*, „Zbornik radova Filozofskog fakulteta”, knj. II, 67-81.
- Jonke Lj., 1965, *Češki jezični elementi u hrvatskosrpskom književnom jeziku*, [u:] idem, *Književni jezik u teoriji i praksi*, Zagreb, ???-???
- Jonke Lj., 1971, *Slavenske pozajmljenice u Šulekovu «Rječniku znanstvenoga nazivlja»*, [u:] idem, *Hrvatski književni jezik 19. i 20. stoljeća*, Zagreb, ???-???
- Jurančić J., 1982, *Konfrontacija slovenačkog i srpskohrvatskog rečničkog fonda u leksikografiji*, [u:] *Leksikografija i leksikologija. Zbornik referata*, ur. ?????, Beograd – Novi Sad, 83-89.
- Maretić T., 1892, *Ruske i češke riječi u književnom hrvatskom jeziku*, „Rad JAZU” 108, 68-98.
- Hadrovics L., 1992–1993, *Razvoj hrvatskog rječničkog blaga u 19. i 20. stoljeću*, „Filologija” 20–21, 153-164.
- Hercigonja E., 1994, *Tropismena i trojezična kultura hrvatskoga srednjovjekovlja*, Zagreb.
- Katičić R., 1994, *Na ishodištu*, Zagreb.
- Putanec V., 1991, *Etimološki zahvati u djelu Matije Antuna Reljkovića (1732–1798), Vrijeme i djelo Matije Antuna Reljkovića*, ur. ???, Osijek, 171-182.
- Putanec V., 1992, *Priručnik za proučavanje povijesti leksikografije*, [Дополненная и переработанная статья *Leksikografija iz Enciklopedije Jugoslavije* (sv. V, 1962), На правах рукописи], Zagreb.
- Русский язык*, ур. Е. Ширяев, Орле 1997.

